

ВЕЛИКАЯ МАТУШКА

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ

...Мне Господь дал прекрасную
работу на этой земле.

Исполни ли я ее хорошо или плохо,
один Он ведает, но я буду ста-
раться изо всех сил, и я влагаю
свою руку в Его и иду, не страшась
тех крестов и нападок, которые
приготовил для меня этот мир...

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна

Радуйся, светило милосердия,
над градом Москвой взошедшее.
Радуйся, великою матушкою людьми
российскими нареченная.

Акафист св. преподобномученице
Великой Княгине Елизавете

ЭЛЛА
Вечер, голубой, сполоснутый недавним дождичком, гуляет по саду, сушит мокрые листья. Элла — в два прыжка — слетела со ступенек террасы. Лужицы на дорожках парка розовые от заката, серебряные от ясного неба. Весело по ним скакать — брызги веером! А вот и любимый куст жасмина. Что с ним гроза надела! Белыми лепестками усыпана трава, ветки до самой земли поникли.

— Бедные, прекрасные вы мои! — ветки обхватила, приподняла. Дождь обрушился потоком, холодный, дущий. На кудри, на воротник, плащевые вмиг промокло.

— Элла, сейчас же домой! — это старшая сестра, Виктория, зовет.

— Иду!.. Поднимайтесь скорей, бедные, мне пора...

Виктория увидала Эллу, руками всплеснула:

— Да на тебе сухой ниточки нет!

— И даже волоска сухого нет! — Элла тряхнула мокрыми кудрями. — Я как Ундина!*

— Эх ты, Ундина! Маму опять огорчишь и рассердишь.

Мать глянула на счастливое лицо дочери, едва сдержала улыбку. Сказала строго:

— Скорей ступай в детскую. Затопи камин, согрейся...

— Но я нисколечко не замерзла!

* Ундины — в мифологии народов Европы — русалка, прекрасная девушка, выходящая из воды и расчесывающая волосы.

— ...высуша платье и туфли. Не хватало еще, если простудишься. Или ты забыла, какой завтра день?

Нет, Элла не забыла. Поэтому она не простудится, она затопит камин. Топить в детской камин для сестер — дело привычное. Сначала положить три полена, потом щепочки, посуше выбрать...

Так их учила мать, принцесса Алиса, дочь английской королевы Виктории. Многое они умеют, маленькие принцессы: убирать комнаты, стелить постели, в порядке держать одежду, ухаживать за цветами...

Весело смотреть, как в камине, на поленьях, пляшут огненные цветы. Вот алым маком вырвалось пламя, разлетаются желтыми одуванчиками искры, синим васильком под угольками притаился огонек...

Снизу, из гостиной, слышны звуки рояля. Сегодня во дворце Великого герцога Гессен-Дармштадтского музыкальный вечер: приехали знаменитые певцы, музыканты, художники...

Элле бы тоже спуститься в гостиную, посмотреть на мать: она в белом платье, красивая, на шее переливается ожерелье — подарок бабушки. И, конечно, мать будет исполнять на фортепиано новую пьесу, она великолепная пианистка. Элла вздохнула: надо туфли сушить. Посмотрела на рисунок, приколотый над столом: белые звездочки жасмина смеются в яркой зелени. Это мать нарисовала: она художница замечательная.

Как-то однажды мать сказала Виктории и Элле:

— Теперь вы будете мне помогать.

Виктории — восемь лет, Элле едва семь. С давних пор они уже слышали слова: «приют», «госпиталь», «комитет помощи бедным»... Часто, за вечерним чаепитием, когда в просторной столовой собирались все семейство Великого Герцога Людвига IV, родители вели разговоры о делах. Сестры навострили уши: «благотворительность, благотворительность» — слово заманчивое и даже таинственное — повторялось множество раз. Мать рассказывала, какая бесконечная череда прошений поступает в приют для сирот, как дороги нынче перевязочные материалы — а их для больницы требуется очень много, — сколько бедных приходит каждый день в бесплатные столовые, которые опекает мать... «Ничего, Алиса. Средства у нас, слава Богу, есть: хоть и половина нашего состояния идет на благотворительность, да Господь нас не оставит», — отвечал

otec. Он был доволен, что мать помогает ему, великому герцогу Гессен-Дармштадтскому, заботиться о людях его родной земли, которая его жене, дочери английской королевы Виктории, принцессе Алисе, стала тоже родной.

— А разве мы сумеем вам помочь? — удивилась Элла.

— Да, дитя мое, — отвечала мать, — каждый может быть милосердным. И не обязательно быть для этого богатым. Помните, в Библии есть рассказ об израильтянине Товите? Я читала вам. Этот благочестивый человек был богат и подавал щедрую милостыню. Но вот он обеднел, а благодатления своего не оставил. Своему сыну он сказал: «Не отвращай своего лица от нищего, и не отвратится от тебя лицо Божие...».

— Я отдам бедным сироткам свои игрушки, — сразу согласилась Элла. — А еще что?

— Даже чаша холодной воды, которую ты подашь жаждущему, это уже милосердие, — сказала мать. — То, что делаешь для бедных, нищих, больных, — все делаешь для Господа. Господь нам завещал: «Сыне, даждь мне свое сердце». Это значит: отдав свое сердце людям...

Элла приложила руку к груди.

Сердце под ладонью быстро стучало: тук-тук...

— Как же я буду жить... без сердца?!

Мать улыбнулась:

— Дитя мое, твое сердечко так и будет с тобой. Но ведь оно умеет любить, умеет жалеть, умеет радоваться. Правда? Вот эту любовь ты и отдашь людям... Ведь тебе что-то особенно дорого? Что ты любишь?

— Вас, мама, папу и сестренок, и братика...

— Ах, Элла! Спасибо тебе. Но я не об этом...

— Поняла, поняла! Я люблю цветы!

— Вот и прекрасно. Понесешь букеты в больницу...

Бетки жасмина хрюстели под острыми садовыми ножницами. Жаль их срезать, зато обрадуются больные! Белые цветы сияли, как звездочки.

С этого дня и повелось. Каждую субботу сестры надевали скромные платья («Будьте проще! Чем проще, тем лучше», — не раз говорила им мать), подвязывали лентами кудри и с букетами цветов отправлялись на Маузэрштрассе в больницу.

Здесь был особый мир, непривычный и печальный. Ряды кроватей с одинаковыми покрывалами. Бесшум-

ные, в белом, сестры милосердия. Запах овсяного супа и каких-то лекарств... И взгляды больных женщин — грустные и полные надежд, тусклые и блестевые от непролившихся слез... Принцессы ставили букеты в вазы. От цветов веяло садом, солнцем, дождем, здоровьем. Больные улыбались, благодарили, просили приходить еще и еще. Худая женщина с желтыми щеками поманила Эллу к своей кровати.

— Вы похожи на мою дочку, — прошептала она. — Такая же красивая и добрая. И цветы ваши красивые...

Вечером, прощаюсь с матерью перед сном, Элла спросила:

— А можно мне молиться за этих больных женщин?

— Конечно.

— Но я не знаю, как их зовут.

— Молись за всех. Господь примет твою молитву, дитя мое.

Больные, бедные, голодные, сиротки, вдовы — все эти несчастные люди были где-то там — в больнице на Маузэрштрассе, в приютах, в госпиталях. А здесь, за оградой герцогского дворца, здесь была иная жизнь. Искрились струи фонтана. Бархатным ковром зелени стрижены лужайки. Дорожки, золотые от свежего песка, убегали в глубь парка. Липовые аллеи, заросли сирени и жасмина, таинственные затененные уголки, где притаились беседки...

Элла располагалась с этюдником возле куста роз — обязательно белых. Белый — ее любимый цвет. В нем столько оттенков: розовых, желтых, голубых, фиолетовых... Надо поскорее уловить эти нежные переливы. Ведь жизнь цветов так коротка. Наверное, тот букет, который она принесла большой женщине в прошлую субботу, совсем увял. Пусть же она смотрит на Эллин рисунок и радуется...

Учитель рисования хвалил Эллу: «Способности у вас есть. Еще бы немного усидчивости, и получилась бы из вас настоящая художница». Усидчивость? Ну, если так, то она будет сидеть и сидеть за этюдником. Пусть сестры Виктория и Ирена зовут ее играть в крокет, Элла не встанет с места, пока не закончит рисунок.

Школьные занятия, уроки музыки, рисования... Дни пролетали быстро, всегда полные радостного ожидания чего-то нового, интересного: концертов, визитов, путешествий... В Германию приезжали знакомые и родствен-

ники Великого герцога и принцессы Алисы. Наведывалась на берега Рейна и супруга Российской Императора Александра II Императрица Мария Александровна. Она тоже происходила из рода Гессенских герцогов.

Как-то Государыня приехала с сыном, Великим князем Сергеем Александровичем. Мальчик был постарше Гессенских принцесс. Он казался молчаливым и замкнутым. «Гордец», — сразу же заключила Виктория. Нет, на гордца не похож. Было в его молчании что-то иное. Элла украдкой поглядывала на этого взрослого мальчика из далекой России. Высокий, светловолосый, лицо тонкое, бледное, вспыхивает яркими пятнами, когда кто-нибудь обращается к нему. Серо-зеленые глаза точно смотрят куда-то в глубину. Особенно когда слушает музыку. Эллу попросили спеть, она уловила его взгляд — внимательный, удивленный. И чем дольше она пела, тем больше взгляда этого «гордца» смягчался, даже блестел — неужели слезы? Вот так «гордец»!

Элла поняла: он просто робеет, этот Великий Князь из России. Робеет перед девочками. И не заговаривала с ним. Когда играли в крокет, похвалила его ловкий удар. Он так благодарно глянул на нее!

— Сергей Александрович добрый, — сказала она Виктории. — Добрый и хороший. Не то, что этот неповоротливый кузен Вилли, который всегда пристает с глупыми разговорами...

Сергей Александрович уехал с матерью в Россию. А у Эллы — новые впечатления, новые радости.

Элла ждала с нетерпением, и летом и зимой ждала, когда семейство отправится в Англию. В Англии — к любимой бабушке! Королева Виктория души не чаяла в своей внучке Элле. «Ты мне напоминаешь свою мать, когда она была девочкой, — так же она пела, рисовала, была такой же тоненькой, умненькой...» — «Я — умненькая? — Элла расхохоталась. — Бабушка, какая вы у меня добрая! А папа говорит, что нам уже пора умнеть!..»

С бабушкой легко. Просто. Обо всем можно поговорить. В старинном Виндзорском замке она постаралась приготовить комнаты для юных Гессенских принцесс так, чтобы они чувствовали себя как дома. Впрочем, это было бы не так уже сложно: принцесса Алиса содержала свой дармштадтский дом на английский лад.

Королева Виктория назначила к сестрам гувернанток-англичанок: дети должны глубже почувствовать свою вторую родину — Англию! Элле казалось, что она всюду в родном доме — и в Виндзоре, и в Осборне, и в Балморале. «Бабушка, мне везде хорошо, потому что здесь вы...»

Быстро кончался долгий праздник в Англии. Элла обнимала бабушку и, не вытирая мокрых щек, брела к экипажу. «До свидания, до скорого свидания!» — скрипел под колесами гравий на дорожке Виндзорского парка.

Налетел ветер, заиграл занавески в распахнутых окнах дворца. Хлопнула от сквозняка балконная дверь. Все собирались на прогулку. Трехлетний Фридрих взволнованно носился по комнате, летящие занавески забавляли его.

Элла спустилась с террасы, придерживая шляпу. Не ступила и трех шагов — сверху, из окон, раздался крик. Неужели это голос матери? Элла обернулась. На плитах лежал Фридрих. Как же он мог так быстро спуститься со второго этажа? И почему лежит? Элла побежала к брату.

— Фридрих, вставай!

Малыш не шевелился. Темное пятно растекалось по мраморному полу. Элла легко подняла маленькое тельце. Головка на тонкой шейке безжизненно поникла. Из дверей выбежала мать.

— Жив?!

Она приняла из Эллиных рук сына. Он был мертв.

Мраморный пол террасы, залитый кровью, кровавые пятна на Эллином платье — там, где прижалась к ее груди головка брата, онемевшая от ужаса мать, — разве можно забыть, хоть на мгновение? Как же после всего этого заниматься обычными делами, учиться, рисовать, гулять по саду, привозить цветы больным?

Элла смотрела на мать. И видела: да, можно и нужно. Нужно выполнять свои обязанности, помогать людям, молиться... Мать, худая, в черном траурном платье, прозрачной, — на лице светятся огромные глаза, — каждый день ездит по делам — их много, даже больше, чем прежде. Мать глушит свою боль этими бесконечными заботами о несчастных людях, этими поездками в приюты, богадельни, госпитали. И каждый день она с детьми. Виктория, Эл-

ла, Ирена, Эрнест-Людвиг, Алиса, Мария, — как же быстро они растут! А крошка Фридрих покоится на кладбище, в фамильном склепе герцогов Гессен-Дармштадских...

«Молитесь за нашего малыша», — повторяла мать.

Виктории пошел шестнадцатый год, Элле — пятнадцатый. «Скоро вам уже и выезжать в свет, дорогие мои», — сказала мать. Выезжать? Зачем? Элле нисколько не хочется, ей отраднее уйти в сад, одной, с этюдником, или сидеть на скамье, среди цветов. Может быть, мать и права: «Вы дочери Великого герцога, и нужно подчиняться условиям общества. Так требует светский этикет».

Но выезды в свет были отложены. Надолго.

Мир, полный скорби, печалей и утрат, когда-то далекий от их безмятежного детства, снова вторгся в их жизнь. Беда пришла неожиданно. Осенью 1878 года в Дармштадте разразилась эпидемия дифтерита, болезни жестокой и неизлечимой в те годы.

Герцогский дворец затих. Элла уныло бродила по саду. В детские комнаты ее не пускали: заболели Виктория, Ирена, Эрни, маленькая Алиса и крошка Мария. Врачи — знаменившие европейские светила — были беспомощны. Во дворце появились сестры милосердия. Дети в бреду звали: «Мама!» Высохшая как тень, мать день и ночь просиживала возле детских кроваток. Но болезнь подкосила и ее.

Первой умерла Мария.

За ней — умерла мать. Ей было тридцать пять лет.

Гроб с телом принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории, покрытый флагом любимой ее Англии — так завещала она, — был поставлен в усыпальнице герцогов Гессен-Дармштадских, там где уже покончились крошка Фридрих и Мария.

Как жить дальше?

Шестилетняя Алис плакала, почем звала: «Мама!»

Элла обнимала сестру, гладила кудри, целовала мокрые глаза.

Алис обхватывала ручонками Эллу:

— Не уходи, не уходи!

— Я всегда буду с тобой, дитя мое...

«Дитя мое», — так говорила мать. Так теперь говорила четырнадцатилетняя Элла. Теперь ее жизнь, ее за-

бота, вечная ее тревога и дума — Ирена, Эрнест, Алис... И отец, враз со старившийся, потускневший. И бабушка — ее скорбные письма рвали душу. Элла, стискивая губы, писала ей о том счастье и покое, которые обрела на небесах дорогая мама. Теперь она свободна от забот мира сего...

Элла прятала слезы, улыбалась, когда хотелось рыдать: только бы дети, только бы отец не видели, как трудно, мучительно трудно ей. Теперь Элла понимала, каким усилием давалось матери спокойствие после смерти маленького Фритти.

В чем утешение, где найти опору? Только в Боге Милосердном. О, как почувствовала Элла — всем существом своим — слова, которые всегда повторяла мать: «Помни строки псалмов: «Многи скорби праведным», «многи раны грешному». Праведника Бог наказывает любя, а грешника — за грехи... Господь всех нас любит, как чад Своих, и потому всякому дает только то, что ему полезно. Что бы Господь ни послал, счастье или несчастье, богатство или бедность, болезнь или здоровье, — за все благодаря Бога...»

«Господи, дай силы все перенести, — молилась Элла. — Сохрани меня для моих дорогих, для себя ничего не прошу, только для них. Буду жить для сестер, для брата, для отца... Для всех маминых сирот, для всех несчастных, которых повстречаю... Укрепи меня...»

Да, она должна вынести — с благодарностью к Богу — все тяготы. Ведь недаром ей дано имя в честь святой Елизаветы Тюрингской, отдавшей свое сердце людям.

ЕЛИЗАВЕТА

Всемнадцать лет Елизавета ослепляла красотой. Придирчивый высший свет Гессен-Дармштадтского герцогства признал: в Европе только две красавицы и обе — Елизаветы: супруга императора Франца-Иосифа и дочь Великого герцога Людвига IV.

Догадывался ли кто, что блеск, пышность двора, восхищение одних и зависть других — вся эта мишуря так далека от Елизаветы, так чужда ей! Но дочери Великого герцога должны были выезжать в свет.

Виктория и Елизавета считались лучшими невестами из всех княжеских немецких дворов.

— Элла, к тебе сватаются столько

завидных женихов! А ты всех отвергаешь. Вообще, что ты думаешь о своем будущем? — недоумевала рассудительная Виктория. Свое будущее она уже определила: приняла предложение барона Баттенберга и потому говорила тоном умудренного человека:

— Вот посмотрите на принца Вильгельма Прусского. Он просто взбесился, что ты ему отказала! А ведь он так давно влюблен в тебя! Помнишь, еще студентом на каникулы прямо-таки мчался к нам в Дармштадт!

— Кузен Вилли? — засмеялась Елизавета. — Этот злой грубян Вилли? Слава Богу, что его мать вообще не одобряет браки двоюродных братьев и сестер.

Елизавета и не помышляла о замужестве. Три года назад, обнимая рыдающую Алис, твердо решила: сироты, плачущие, обездоленные — все они ее чада, ее большая семья. Пока она молода, полна сил, бодра, она будет трудиться для Бога, для страждущих. В этом — ее единственное счастье на белом свете, ее долг и работа. Она выполнит завет матери, и она будет стараться, не страшась тягот, которые приуготовил для нее мир. Ничто не отвлечет, не собьет ее с этого пути — она влагает свою немощную руку во всесильную Божию лесницу... И если Господь пошлет ей помощника на этой земле — силы ее удвоются.

Его Елизавета угадала сердцем. Еще в детстве, увидев впервые, поняла: в Великом Князе Сергеем Александровиче таится что-то особенное, отличное от других, чистое, далекое от суеты. И теперь, встретившись с Сергеем Александровичем, удивилась: так была верна ее детская догадка! Елизавета было легко с ним — разговаривать, слушать музыку, молчать... В русско-турецкую войну он сражался на Балканах, за отвагу имел орден Георгия Победоносца. Недавно Государь назначил его командиром 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка.

— А вас не тяготит обязанность командовать людьми? — наивно спросила Елизавета. Спросила и тут же спохватилась: да ведь он может обидеться за ее беспактность...

Но Великий Князь даже не усмехнулся. Сказал спокойно:

— Я много размышлял об этом в юности. И очень благодарен владыке Леониду, епископу Ярославскому и

Ростовскому. На все мои сомнения и недоумения он отвечал, что перед Богом мы все равны, что с тех больше спросится, кому больше дано. Одно смиление возвышает человека пред очами Божиими, и в своем высоком положении, — так всегда поучал меня

Что сулит бедной девочке этот брак? Уже дважды принцессы Гессенского Дома выходили замуж за Романовых — и что же? Принцесса Вильгельмина, супруга Императора Павла I, умерла от родов... Рано сошла в могилу принцесса Мария, супруга Александра II...

белые крыльшки устилали влажную траву... Цветы благоухали. Они были всюду: белые розы, снежной чистоты лилии, ясные звездочки жасмина... Елизавете казалось: она в родном саду. Букеты в огромных вазах, гирлянды по стенам вагона, на дверях и окнах. «Дорогой Сергей, он знает, что я люблю белые цветы. Как он постарался для меня!..» Вагон покачивало, кивали головками цветы: поезд-сад мчался в Россию. На свадьбу с Елизаветой ехали отец, брат, Виктория с мужем, Ирена и двенадцатилетняя Алис. На остановках поезд невесты приветствовали духовенство, губернатор, чиновные лица. Толпами стекался народ. Неведомый Елизавете, но и не чужой уже.

И наконец, — Петергоф.

На секунду Елизавета помедлила в дверях вагона. «Ну, смелее», — подумала она и улыбнулась встречавшим. «Словно солнце нас ослепило», — вспоминал эти минуты поэт К.Р. — Великий Князь Константин Константинович. — Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта...»

И вот она, в золоченой карете Императрицы Екатерины Великой, величественно движется из Петергофа в Петербург. Медленно везет старинную карету шестерка белоснежных лошадей. Следом — длинная вереница экипажей родственников и многочисленных гостей. В распахнутых окнах домов — букеты цветов, на ветру развеиваются флаги Российской Империи. Будущую Великую Княгиню приветствует народ, тысячи людей, по всей дороге, до самого Петербурга.

Окна ее громадной спальной в Зимнем дворце смотрели на Неву. Серый гранит, медленное, величавое течение, широкое июньское небо... Простор, необытность! Новый день разгорался. Что он принесет ей, принцессе небольшого герцогства, которой Господь судил стать Великой Княгиней в Великой Российской Державе?

— О чём задумалась, милая невеста? — Государыня Мария Феодоровна обняла Елизавету. — Хоть и время еще раннее, но пора готовить вас квенцу.

Государыня усадила Елизавету перед старинным зеркалом, когда-то оно принадлежало Императрице Анне Иоанновне. Сколько красавиц смотрелось в него почти за полторы сотни лет!

Царских невест Дома Романовых

владыка. — Я навсегда запомнил его слова: своими христианскими добродетелями можно особенно много по- служить ближним и уготовить себе высокое место в будущей жизни...

Сергей Александрович знал, что Елизавета отвергла многих претендентов на ее руку. И признался: в свои двадцать семь лет он тоже не помышлял о женитьбе. В юности он дал тайный обет целомудрия. Если Господь пошлет ему помощницу на этой земле, он готов заключить с ней союз — братский, духовный союз чистоты, любви и дружбы...

Елизавета поразилась: Сергей Александрович читал в ее душе!

Королева Виктория не одобрила помолвку внучки. Элла, ее любимая Элла, отправится в Россию, где так не- спокойно, где только три года назад был убит Император Александр II...

Письма королевы Елизавета читала со слезами. Как заботится бабушка о ней! Заботится, тревожится...

Если бы она знала, как Сергей Александрович правдив, как благороден. Бабушка обязательно полюбит его.

И английская королева благословила внучку на этот брак.

...В последний раз Елизавета обошла родительский дом. Сколько здесь пережито — и горя, и счастья! В бывшей детской ее над столом всё так же пришипела акварель — веселый жасмин. Рисунок матери. В гостиной солнце скользило по большому портрету принцессы Алисы. Елизавета сдержала слезы: «В новой стране, среди новых людей я буду такой же простой и хорошей, какой всегда желала видеть меня моя милая мама...»

В саду облетал любимый жасмин,

наряжали к венцу по издревле сложившемуся церемониалу.

Елизавета увидела в зеркале свое растерянное лицо; тугие локоны, подвигнутые придворным парикмахером, спускались на плечи.

Сияла возложенная Государыней бриллиантовая диадема, сверкала маленькая великолюбивая корона. Массивные золотые серьги были так тяжелы, что Елизавета невольно склонила голову.

«Российским Великим Княгиням нельзя ни в коем случае вешать голову», — подумала и выпрямилась. Государыня Мария Феодоровна прикрепила серьги к ушам золотыми цепочками: эти драгоценности принадлежали Императрице Екатерине II. Их надевают на каждую невесту Великих Князей Дома Романовых...

Статс-дамы облачили Елизавету в платье из серебряной парчи с длинными разрезными рукавами — в старинном русском стиле, на плечи накинули ярко-рубиновую мантию, отороченную горностаем. Тяжелый наряд тянулся к земле. Но Елизавета выпрямилась, стройная, прекрасная, величественно прошла через просторные залы, заполненные придворными и гостями, в церковь Большого дворца.

Там состоялось венчание по православному обряду, а затем, в одной из гостиных дворца, — по обряду протестантскому. Ведь Елизавета была протестанткой.

На пороге дворца, принадлежавшего Сергею Александровичу, молодых встретили Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. По русскому обычаю они приветствовали новобрачных хлебом и солью.

— Совет да любовь, — улыбаясь, сказала Государыня. Елизавета не поняла, но сделала так, как ее муж: низко поклонилась, надломила корочку, окунула в серебряную солонку. И на языке остро ощутила сквозь крупинки соли вкус русского каравая — свежий, медвяно-сладкий...

Вечером, когда схлынули поток поздравляющих и великолюбивый дворец затих, Сергей Александрович показал Елизавете образок Спаса Нерукотворного.

— Этим образом меня благословил перед венчанием Великий Князь Константин.

Елизавета взглядалась в лик Спаса, в незнакомые буквы: «Без Ме-

не не можете творитиничесоже». Муж перевел надпись на английский. Эти слова жили в ее душе всегда.

Все советовали молодоженам провести первый месяц их новой жизни за границей. Но Сергей Александрович и Елизавета решили отправиться в подмосковное имение Ильинское.

Проездом остановились в Москве.

Сергею Александровичу хотелось показать Елизавете все, что дорого ему, что было его сердцем, верой и любовью.

Золотом в июньской лазурь горят двуглавые орлы на остриях кремлевских башен, точно легким туманом подернуты древние зубчатые стены. На Соборной площади тишина. Соборы, белые, громадные, — Успенский, Архангельский, Благовещенский. Свеча в небе, над Кремлем, над Москвой всей высится колокольня Ивана Великого... В храме Сергей Александрович становится на колени, молится, прикладывается к святым образам, целует благословляющую руку священника... Народ глядит на Великую Княгиню, точно ждет чего-то. Она делает низкие реверансы перед иконами, целует крест, протянутый священником. Бабушке она призналась в письме: делала все это из вежливости, чтоб не шокировать людей... Ей уже не терпелось взяться за кисти — нарисовать всю эту красоту. Но не было свободной минуты. Едва успела сделать несколько фотографий для бабушки.

Из Москвы Сергей Александрович повез Елизавету в Троицкую Лавру — к Преподобному Сергию. И снова она изумилась благолепию храмов, красоте пения.

...В древнем соборе, под сенью из серебра, светятся неугасимые лампады над ракою Сергия Радонежского.

«Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас!..» — звучат голоса, идет и идет народ, поднимается по ступенькам к раке, склоняется над святыми мощами...

Приложился к мощам своего небесного заступника и Сергей Александрович. Елизавета взглянула на мужа: точно ясный луч прошел по его лицу: радостью, тишиной и миром светилось оно. А пение в храме не смолкало: «Преподобный отче Сергие...»

После Петербурга и Москвы Ильинское — как тихая гавань. Барский дом в два этажа, просторный, уютный. Двери из гостиных выходят на крытый

балкон, а оттуда — необъятная ширь, ни холма, ни взгорка, и дышится глубоко, вольно. В низине поблескивает Москва-река, расстилаются луга, лес, как облачко зеленое — справа, слева — село: избы в ряд и высокий белый храм — Ильинский Ильи Пророка.

Как не похоже все это на милый Дармштадт, на берега Рейна, на любимую Англию... Это — Россия.

Легкая рука легла ей на плечи.

— Ты грустишь?

Сергей Александрович спросил по-русски, она не понимает слов, но понимает его мысль. И улыбается ему в ответ.

Она вслушивалась в звуки незнакомой речи. Как прекрасен этот язык! Музыкальное ухо Елизаветы различало его интонации, улавливало мелодику. Она превратилась в усерднейшую ученицу: каждый день преподавательница давала Елизавете уроки русского.

Но училась она каждую минуту: вслушивалась в разговоры, повторяла слова.

— Говорите при мне только по-русски! — просила она мужа и всех, кто бывал у них в гостях. И радовалась, когда слышала знакомые слова: «Чуть-чуть, но все же понимаю!..»

На Воззвиженье Креста Господня Сергей Александрович задумал для крестьян праздник.

В Ильинское съехались гости. Прибыли Великие Князья — Константин и Павел, любимый брат Сергея Александровича. День выдался погожий, не по осеннему теплый. Утром пошли в храм. После обедни на шлюпках переправились через Москву-реку.

На берегу уже толпится народ. Множество великое — из Ильинского, из Усова и из деревень подальше. Пестреют шали на бабах, блестят лаковые козырьки картузов мужиков, разноцветьем вспыхивают девичьи сарафаны... Ребятишки, как воробышки, слетелись, белоголовые, в рубахах кумачовых, на девчонках яркие плащочки. Во все глаза смотрел народ.

Елизавета заробела, за руку Сергея Александровича крепко держится. Он пальцы ее холодные пожал: «Бодрее!». Елизавета улыбнулась, и кругом радостно зашумели, закланялись.

Сергей Александрович затеял забаву: мальчишки прыгали в мешках — кто скорее до цели доскачет. Елизавета

щедро одаривала победителей. Потом началась лотерея. Степенно, в свой черед, подходили за билетами солидные мужики. Иные усмехались над причудой господ. Но довольны остались все: билетов беспроигрышных не было. Елизавета раздавала байковые одеяла, платки, ситцы, разный сапожный товар, самовары, посуду... Получили подарки и ребятишки: кто волчок, кто дудочку, кому досталась деревянная мельница. И всем — орехи, пряники, конфеты. К общему восторгу над толпой взлетел бумажный шар...

Среди крестьян Елизавета заметила — по виду — бедняков: в заплатанной одежде, разношерстных лаптях, на плечах — холщовая сумка. Пряникам радовались, как диковине какой...

Вечером Елизавета долго стояла на балконе, куталась в пуховую шаль. Праздник — праздником. А как живется крестьянам по будням, среди повседневных забот?.. В селе мигали огоньки, доносились то ли крики, то ли песни. Надвинулись тучи, собрался дождь. В гостиной тепло, трещат березовые поленья. Елизавета медлит на балконе, взглядывает в темноту.

Зашли к фельдшеру. Один из нескольких деревень. Глаза красивые, лицо — опухшее — то ли от пьянства, то ли от усталости. Жаловался:

— Лекарств нет, больных множество, бабы работой надорваны, часто умирают от родов. Младенцы умирают... А все от невежества. Школа едва дышит, а кабак день и ночь открыт... Да и... университетов не кончал, а подмоги никакой. Акушерки не дозвались...

Вернулись домой. Елизавета — бледная, с головной болью. За ужином мужчины пустились рассуждать о причинах народной бедности.

— От пьянства все это! — настаивал Сергей Александрович. — Разбаловался мужик. Последнюю копейку в кабак несет, а дети от голода плачут...

Школа разваливается, квалифицированной медицинской помощи нет — разве это от пьянства? — возразила Елизавета. — Это уж от вас зависит. И от меня теперь...

Сергей Александрович коснулся губами тонкой ладони жены:

— Ты права, Элла. Мы сделаем все, что требует наша христианская совесть, наш христианский долг.

— Надо немедленно выписать опытную акушерку. И построить больницу. Школой тоже надо заняться...

— Дорогая, только не горячись. Мы будем трудиться вместе...

Константин Константинович любовался Елизаветой. «Как она женственна, как прекрасна... Глаза удивительные — спокойные, мягкие. А как сейчас горят! Да, кротка, но сознание своей силы в ней есть, даже самоувренность... Как она прекрасна!..»

Дней через десять лет после праздника Константин Константинович прочитал стихотворение:

Я на тебя гляжу, любясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!

О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;

Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто срьд зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,

И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

— Великолепные стихи, Константин! И вправду, ты настоящий поэт и настоящий сердцевед, милый мой К.Р.! — восхитился Сергей Александрович. — Ты что-нибудь поняла, Элла?

Елизавета смущенно улыбнулась:

— Признаюсь, только два слова — «ангел» и «Бог».

(Продолжение следует.)